

Янина
Логвин

БОТАНИКИ
НЕ СДАЮТСЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 76

Логвин, Янина.

Л 76 Ботаники не сдаются / Янина Логвин. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Логвин: лучшие книги).

ISBN 978-5-17-115507-0.

Итак, лучше сразу озвучить тезис: все любят Ивана Воробышка. Друзья, преподаватели, сокурсники. Это то, чего изменить нельзя. Кого любит Иван Воробышек? Всех. И определенно — никого.

Пункт №1: он нравится всем девочкам без исключения, даже мне. Конечно, с условно-эстетической точки зрения и где-то глубоко в душе... А впрочем, я не привыкла обращать внимание на подобные мелочи!

Пункт №2: он не замечает таких, как я. Он не видит таких, как я. Для людей, подобных Воробышку, — нас просто не существует. Потому что такие, как я, находятся вне зоны его внимания.

Пункт №3: наплюй и действуй! И этот пункт на самом деле самый важный, потому что с сегодняшнего дня я решительно намерена все изменить!

Пусть очкарик и заучка. Зубрилка, мелочь и скучный книжный червяк. Я скажу вам одно: ботаники не сдаются!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115507-0.

© Логвин Янина, текст
© ООО «Издательство АСТ»

*Логика может привести Вас
от пункта А к пункту Б, а воображение — куда угодно.*

Альберт Эйнштейн

Я шагала по коридору учебного корпуса своего факультета, пробираясь сквозь лес студентов, и просто рычала от злости. Очень свирепо и зло! Про себя, конечно, рычала, потому что ботаники, как я, не могут рычать вслух. У нормальных людей это вызывает смех. Почему, спросите вы? Да потому что «ботаник обыкновенный» не живет эмоциями, он живет пространственно-временными кодами, алгоритмами, графиками и функциями. Является существом усредненного рода, а, следовательно, и подобных эмоций выразить не может.

А-а! Р-р-р-р-р! Дайте мне тонну бумаги, я исполую ее на клочки! Еще как может!

Но, кажется, я отвлеклась и, чтобы объяснить вам, почему я так рассердилась, нужно рассказать подробнее.

Так вот, все началось с моего научного доклада ученому совету университета (который я представила в числе лучших студентов физико-математического факультета), и на который преподаватели согнали весь

курс. И не моя вина в том, что, в большинстве своем, этот курс зевал, болтал и даже не думал париться проблемой расширения Вселенной. Как только я поняла, что никто из сокурсников мою теорию о пространственно-временных коридорах слушать не собирается, а на рассуждения о квантовой природе вещества и сверхзадачах человечества чихать хотел, я собралась, перестала заикаться и изложила ученым мужам мысль крупномасштабно и по существу. Немного увлеклась (рассуждая о возможном перемещении человека на расстояние в миллион парсеков), часа на полтора, но это же неважно! Когда разговор заходит о квантовой физике, время перестает исчисляться минутами! Уж вы-то меня понимаете!

Нет, доклад получился отменным. Я стояла с пунцовыми от счастья щеками и вспотевшим лбом, стирала с ладоней следы мела, преподаватели рукоплескали, и даже сам профессор Белоконев встал со стула и сказал веское: «Ай, молодца, Уфимцева! Эйнштейн ты наш! Вот она, будущая гордость страны!» А декан Крокотуха важно ткнул пальцем в студентов «Учитесь, бандерлоги!» и стряхнул с моих плеч меловую пыль.

В общем, я довольно выдохнула, покраснела, и отдала себя ученому совету на расспросы, пока студенты покидали лекционный зал. А когда разошлись, и себе выскользнула. Пошла, окрыленная одобрением старейшин факультета, учебными коридорами в туалет. Закрывшись в кабинке, сняла с плеч рюкзак, расстегнула джинсы... и не прошло минуты, как услышала за дверцей девичий смех и свою фамилию.

Что? Улыбка все еще не сходила с лица. Неужели наконец-то обо мне заговорили?! В груди важно зашевелилась гордость. Неужели мой доклад всем понравился?! Недаром мама с папой в меня так верили!

— ...Уфимцева то, Уфимцева это. Надоело! Тычут этой тощей пигалицей, как достопримечательностью, словно время красных знамен еще не прошло. Скоро деньги за просмотр станут брать! А на что там смотреть-то? Ни фигуры, ни лица, одни очки и те — черепашьё счастье! О походе — вообще промолчу, это же крот-муравьед какой-то! Могла бы, подземными ходами прошмыгнула, чтобы ее не заметили. Да она вообще о таком понятии, как «мода», слышала что-нибудь? Кто сейчас носит рубашки в клетку и джинсовые комбинезоны, как Дуня-гастарбайтер? И это при папочке-бизнесмене! Ему что, для дочери нормальной одежды жалко?

— А может, он потому и бизнесмен, что на дочурке-уникуме экономит! Подумаешь, за два года четыре курса универа окончила! Если ты в восемнадцать лет не знаешь, что такое депиляция и, ха-ха, петтинг, считай, что прожил жизнь зря!

За дверцей кабинки в два голоса ахнули.

— Лица, ты что думаешь она до сих пор того... нецелованная?

— Seriously? Да ну! — подхватил второй женский голос. — Такого не бывает!

— Девочки, это с нормальными людьми не бывает, а с ботаншами-заучками — запросто! — из крана полилась вода, стукнула форточка, и потянуло сигаретным дымом. — Вы слышали, как она трещала сегодня? Я думала это никогда не закончится! Честное слово, даже голова разболелась! Квантовая физика — удавиться! Да кому она вообще интересна?

— Точно не мне!

Гордость в груди сжалась в комок, и душу больно оцарапали кошачьи лапы.

— Ну кто позарится на такой очкастый феномен с косой? Нашли Эйнштейна в юбке! Так и хотелось ска-

зять Крокотухе: «Глаза разуй!» Мышь серая, обыкновенная, которой в личной жизни ничего не светит, вот что я вам скажу!

— Вот-вот! Меня потому и взбесил Белоконов со своим: «Катенька, гениально!» Будь она хоть трижды самой умной, ни один нормальный парень на такую страшила даже не взглянет! У нее же вместо чувств — одни формулы!

— А вместо форм — геометрическая плоскость!

За дверцей снова звонко засмеялись.

— Уфимцеву целовать, все равно что зевать от скуки. Только представьте себе: он ей о сексе, а она ему об элементарных частицах и темных материях. Ах-ха-ха! Хотела бы я посмотреть на эту картину!

— Ее и не слушал никто, все ждали, когда это зевучество закончится. Доклад, вы серьезно?! Я видела, как Сашка Гайтаев лизался на галерке с Крыгиной, а к Воробышку заливали девчонки с экономического. Уверена, поставь Белоконов свою Катеньку на кафедре в купальнике, парни все равно эту мелкую выскочку и не заметили бы!

Что?

Наверно, я бы так и стояла в кабинке остолбеневшая, раздавленная весом услышанных слов, если бы в рюкзаке не зазвонил телефон. Снова и снова, и очень настойчиво.

Девчонки всполошились. Застучали каблучками по кафелю к окну, пряча сигареты под подоконник.

— Эй, кто там? Эй! — и такой же дружной гурьбой пробежали обратно.

Я отступила от дверцы и прижала рюкзак к груди, чувствуя, как пылают щеки. Но уже не от гордости, нет. Сейчас они горели от стыда и обиды, и больно щипало в глазах.

Вот, значит, как. Очкастый феномен. Могла бы и сама догадаться, а не ждать обидных слов. Слишком опрометчиво с моей стороны было дать согласие на публичный доклад перед всем курсом. Меня не слушали, и к этому я была готова, а вот к тому, что успеют рассмотреть — нет.

И зачем я только решилась!

Разочаровываться всегда больно, терять гордость — вдвойне больнее, а быть объектом насмешек — несправедливо. Да, возможно, я не была Эйнштейном или красоткой, но я старалась и для них тоже, надеясь летом выиграть для университета грант на мюнхенской олимпиаде физиков. А это десять учебных мест в лучших ВУЗах Германии, Британии и Канады. Так неужели им и в самом деле важно то, как я выгляжу, а не то, какие логические цепи генерирует мой мозг? Неужели, будь я в купальнике, мои рассуждения о квантовом поле и стреле времени были бы услышаны?

Жаль, что нельзя провалиться сквозь землю, это бы в значительной мере облегчило мне жизнь.

Телефон вновь отозвался входящим звонком, и я вздрогнула.

— Эй там, в кабинке? Ты выйдешь или нет?

Открыв дверцу, я сжала рот и поправила очки. Сейчас главное — собраться и не раскваситься на их глазах. Нацепив на плечи рюкзак, я потупилась в пол и прошла мимо компании к умывальнику. Включив воду, заплескалась неловко под опешившими взглядами, прожигаящими во мне дыры.

Интересно, если я не стану смотреть в их сторону, кошачьи лапы перестанут так больно царапать грудь?

— Да, это я. Мышь серая, обыкновенная. И чего уставились?

Девчонки молчали. Недолго. Я даже руки как следует высушить не успела.

— Упс, Уфимцева... Эй, Уфимцева, ты что, нас специально подслушивала, что ли?

Вот видите, все-таки есть плюс в том, чтобы быть умным. У некоторых индивидуумов, при внешнем наличии форм, в голове — ни одной приличной извилины! Все так плоско и ровно, что даже простейшей логической цепочки не построить. На глупый вопрос и отвечать не стала.

— А я все равно не откажусь от своих слов. Ботанша, она и есть ботанша! — отозвалась одна — самая высокая. — Правда, девочки? Почему нам за правду должно быть стыдно?

А им стыдно? Серьезно? Ха, насмешили!

— Так ты целовалась с кем-нибудь, Уфимцева? Не говоря уже о большем? Разреши наш спор. Помогла тебе твоя хваленая наука завоевать хоть одного парня? Что-то мы не заметили, чтобы сегодня хоть один воодушевился. Хотя ты, бедняжка, наверняка та-ак старалась! А, может, ты и не влюблялась никогда?

— Ну конечно, откуда ей знать, что такое петтинг! Сейчас она скажет, что любовь — для слабаков. Ах-ха-ха!

Дышать стало трудно. Неприятно это признавать, но насмешки попали в цель. Нет, не влюблялась никогда.

Одно дело, когда смеются за спиной и другое, когда в лицо. Все-таки права мама: пусть я и заучка, и внешне тихоня, но характером — точно в папу. Мне никогда не пройти мимо вызова. Желание доказывать и побеждать у меня в крови. Мне просто некогда обращать внимание на такие глупости, как внешняя красота. Я привыкла видеть красоту в природе атома и элементарных частиц. А чувства... Подождут чувства!

— Поможет.

— Что? Ты что-то сказала?!

Кажется, да.

Я повернулась и подняла голову. Убрал косу с плеча, поправила очки. Память на лица у меня всегда была хорошей, поэтому я сразу определила с какого потока девчонки. Определенно, физиков среди них не было. Зато была «Мисс университет» и, судя по стильной одежде — ее свита. Все трое, наверняка королевы студенческих вечеринок и мечта парней. У таких уж точно проблем с поцелуями нет.

— Я сказала, что наука поможет, — постаралась не заикаться. — И собираюсь это доказать!

Кажется, я смогла удивить не только себя, потому что девчонки недоверчиво переглянулись.

— Интересно как?

— Два месяца и любой парень из университета сам, по своему желанию, поцелует меня на ваших глазах, — сказала твердо.

— Просто так?

— Нет, не просто. Как свою д-девушку, — ну вот, голос все-таки дрогнул. Я хоть сама-то в это верю?

— Любой? — «Мисс университет» хищно улыбнулась. — Тебя? Скучную ботаншу?

Подруги снова удивленно переглянулись.

— Девочка, а не слишком ли ты смелая для вызова?

— Да ладно тебе, Снежанка! — одернула высокая «Мисс университет». — Какая разница, если в итоге именно мы ее и проучим!

Еще посмотрим, кто кого проучит!

— Да, любой. Просто назовите имя. Но у меня есть условие, — нашла нужным сказать. — Никто о нашем споре не должен знать до окончания срока. И, если выиграю я, то...

— Что? Что ты хочешь, если выиграешь?

— То вам придется сдать доклады по квантовой физике Белоконеву с Крокотухой. Всем троим и перед всем курсом.

— Чего?! — девчонки возмутились. — Ты шутишь? Совсем спятила, заучка?!

— Ни капельки. А вы? Что, трусили?

Уступить не хотелось. Ни за что не хотелось! Я стояла одна перед тремя расфуфыренными красотками и понимала: уж если сейчас ввяжусь в спор, я должна победить!

Снежана с подругами рассмеялись.

— А если ты проиграешь? Ка-а-атенька!

Да, что будет, если я проиграю?

— Тогда... — я сжала пальцы в кулаки и, все-таки, произнесла это: — Тогда я уйду из университета. Совсем!

Сказала, а у самой коленки подломились. А как же магистратура, аспирантура и докторантура?! Как же мое светлое будущее ученого и пространственно-временные коридоры?!

— Пожалуй, девочки, нам стоит согласиться! Мне нравится ее предложение! Так, что насчет парня, Уфимцева? Может быть, ты ждешь, что мы выберем для тебя прыщавого ботана?

Ох, что-то мне подсказывает, что именно так они и поступят. Вот будет весело, когда два ботана на глазах у всего университета припадут друг к другу в страстном поцелуе. Оборжаться!

Но ответила им:

— Мне все равно, я не собираюсь проигрывать.

Девчонки пошушукались и рассмеялись.

— Не бойся, Уфимцева, это было бы слишком просто. А ты ведь у нас девочка уникальная. Почти что гений! — вот только на довольных лицах легко читалось, что они на самом деле обо мне думают. — Тебе определенно нужен самый лучший парень!

И?

— Иван Воробышек, знаешь такого? Оцени, какие мы добрые! Вот и посмотрим, как твоя наука поможет его завоевать!

Знала ли я Ивана Воробышка? Конечно, да. Даже я знала. Первый красавчик университета и любимчик девчонок. Бабник, каких поискать. Завидный парень во всех отношениях. Если честно, почти недостижимая цель. Но имелось одно веское, железобетонное «но»: я совершенно не вписывалась в круг его симпатий. Абсолютно! Этот парень вряд ли вообще имел представление о том, что я существую!

Ой, кажется, Катя проиграет.

— Кто? — я побледнела. Клянусь, это было слишком жестоко. — Во-воробышек?

— Он самый! Что, ботанша? Передумала спорить?

Интересно, если я сейчас откажусь, они ведь забудут о нашем споре? Ну, о том, чем я тут хвасталась? Два месяца, поцелуй и все такое? В нашем возрасте у многих случаются моменты недопонимания. Не высмеют же они меня перед всем университетом? А вдруг я и правда погорячилась?

— Я...

— Еще как расскажем! — ну вот, так и знала, что у меня все на лице написано. — Уверены, всем будет интересно узнать, какая ты у нас самоуверенная секси, будущая гордость страны!

— Ну, не расстраивайся, Уфимцева, — погладила меня по плечу девчонка с розовыми прядями в длинных волосах. — Никто не обещал, что будет легко. Ты проиграешь,мышь, и мы больше никогда тебя не увидим. Таких выскочек, как ты, надо проучивать, понимаешь? Только так и выживают сильнейшие. Ничего личного, закон джунглей.

Вот же гримзы. Стоят, улыбаются. И как я только могла подумать, что погорячилась?!

— Нет, не понимаю! Что я вам сделала?

Сбросив с себя руку розоволосой, шагнула было к выходу, но меня остановили.

Крепкие пальцы «Мисс университет» впились в плечо и развернули к девушке — красивой, высокой брюнетке со стильной стрижкой «каре».

Ай, больно! Если она так же крепко впивалась ногтями в своих конкурентов на пути к победе в конкурсе красоты, тогда понятно как она ей досталась.

— Два месяца, запомни, Уфимцева, и ни днем больше! — окрысилась брюнетка. — Или мы превратим твою жизнь в университете в настоящий ад!

Что ж, вызов принят. И правда: шутки в сторону! Одно не учли красотки. Они связались не просто с заучкой-ботаншей (на самом деле я ничего и никогда не зубрила, с моей памятью мне это не требовалось). Они ввязались в спор с девчонкой-вундеркиндом, которая уже в четыре года научилась читать и писать. И когда поняла, сколько знаний скрывают в себе книги, читала быстро, жадно и много. О-очень много! Да я сама была ходячей энциклопедией! И сейчас с легкостью выудила из памяти необходимые знания о болевых точках на теле человека. И раз уж не могла похвастаться силой как следует, постаралась сконцентрировать эту силу в двух пальцах. Нашла локоть Снежаны и больно сдавила на нем срединный нерв, освобождая плечо из захвата. Девушка охнула и изумленно разжала пальцы.

Работает! Честное слово, папа бы мною гордился!

— Два месяца, и ни днем больше! — холодно произнесла. — И лучше бы вам, девочки, подготовить доклады заранее, чтобы не выглядеть перед всем университетом смешно! Квантовая физика, это вам не «Модный приговор», советую восполнить элементарные пробеле-

лы в науке. Уж я постараюсь уговорить Крокотуху вас выслушать! И, к вашему сведению, серая мышь в курсе, что такое мода. Мода — это система выбранных ценностей и прославления их в обществе, а общество и ценности у каждого свои! Будет вам Воробышек! С перышками на блюдечке!

Сказала и хлопнула дверь. Тадах! Только штука-турка посыпалась.

Вот так все и произошло. И теперь я мчалась по коридорам любимого факультета, надеясь забрать вещи, которые оставила у куратора, и рычала от злости.

Р-р-р-р-р! Это же надо было так влипнуть! Срочно домой! Закрыться в комнате, надеть наушники и осознать, что я натворила. А когда осознаю, подумать, что со всем этим делать. И с учебой, и со спором, и с ...какой ужас!.. С Иваном Воробышком! Терпеть его не могу! Вот с этой самой минуты и не могу!

— Ка-ать! Эй, Кать! Стой! — услышала я за спиной знакомый голос. — Ты куда летишь?

О, это мой друг — Антон Морозов. Хороший парень и, конечно же, ботан. Ну кто еще станет водить дружбу с такой заучкой, как я? Зато друг из него — самый настоящий, и не подумайте ничего лишнего. Мы просто знакомы с ним со времен школьных олимпиад, которые вместе выигрывали. И он так же, как я, влюблен в физику и математику. Ну и, кажется, еще немного в Эллу Клюквину из своей группы. Но здесь я точно не уверена. Лично у меня от этой девицы зубы сводит (не зря ее прозвали Клюква), но Морозову наверняка видней!

Антон догнал меня и пошел рядом. Опустив ладонь на плечо, заглянул в лицо.

— Кать, я тебе звонил! Ты почему не отвечала? И куда пропала из лекционного зала? Я везде обыскался! Слушай, замечательный доклад получился, зря переживала!

А твоя отсылка к теореме Джона Белла о квантовой неопределенности частиц — это же находка! Согласен, что, опираясь на нее, и стоит рассуждать о природе стрел времени. А, если все это, хоть приблизительно вывести в уравнение... Черт! Даже я поражаюсь твоей логике!

Моей логике?

Я внезапно остановилась и повернулась к Антону. Подняла лицо, на котором отражалась смесь самых разных чувств, но отнюдь не работа мысли над решением логической сверхзадачи. Кудрявый блондин, сбившись с шага, озадачено смотрел на меня из-за очков теплым карим взглядом.

— Кать, ты чего? Расстроилась, что ли? Но ведь все прошло отлично! И совету понравилось.

— Морозов, ты правда меня слушал? Все время?

— Конечно, — парень удивился, но кивнул. — А почему ты сомневаешься?

— Да так, — тяжело выдохнула. — Показалось вдруг, что все это ерунда и на самом деле никому не интересно. Ни теория, ни рассуждения, ни выводы. Скука смертная!

— Шутишь? — Антон улыбнулся с таким видом, словно услышал от меня полнейшую чушь. — Ты же это сейчас несерьезно говоришь?

Я промолчала, и Морозов нахмурился.

— Тогда скажи правду, Кать? Давай с уклоном от прямого ответа.

Все-таки хорошо, когда есть человек, который понимает тебя с полуслова.

— Ну, если с уклоном... Нашлись люди, которые считают, что вся моя работа по сегодняшнему докладу — туфта. И это жутко обидно.

О том, что этих людей и моя внешность не очень впечатлила — умолчала. И о споре тоже. Как-то стыдно

это, жаловаться парню-ботану на то, что ты жалкая девочка-ботан. Серая мышь и страшила. У которой вместо форм — геометрическая плоскость. А вдруг Морозов, как друг, кинется доказывать обратное, краснея и бледнея? Определенно, все станет только хуже.

Антон даже в лице поменялся.

— Сами они туфта! Не вздумай их слушать!

— Поздно, — я криво усмехнулась. — Уже услышала.

— Ну тогда забей! Кать, ты же будущий физик-теоретик, будь выше этого! Наверняка эти люди даже не знают, что обозначает термин «Космология» и что Вселенная делится на сущности!¹ Разве им понять стремление к открытию и к познанию мира? Мой отчим вообще считает, что я в университете штаны протираю и, если бы выучился на машиниста тепловоза, как он, тогда бы только и стал человеком!

Антон вдруг погрузился, а я нахмурилась. Морозов никогда не рассказывал, но я догадывалась, что у него сложные отношения в семье. Он жил неподалеку, но нас разделял социум. В отличие от Антона, меня всегда поддерживали родители.

— А сейчас ты кто? По его логике?

— Лучше не спрашивай. Плевать я хотел на мнение отчима, это моя жизнь. Вот и ты, Кать, забудь. Не знаю, что за люди успели испортить тебе настроение, но я в тебя верю! И не только я. Если ты сейчас дашь себя сломать неуверенности, значит, они победят, понимаешь? И тогда их слова достигнут цели.

Наверно, я окончательно повесила нос, потому что парень шуточно пихнул меня локтем в бок.

— Эй, ты чего, Уфимцева? Ты же боец! Не дай себя сбить с пути! Туфта — значит чушь, ахинея и хаос. А ха-

¹ Космология — учение о Вселенной как едином целом.